
DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МАСШТАБЫ, СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

А. В. Каравай¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: *Каравай А. В.* Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 42–60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605

Аннотация. В статье на данных Института социологии ФНИСЦ РАН 2021 г. показано, что доступ к ресурсообмену в социальных сетях имеют большинство представителей массовых слоёв населения и лишь шестая их часть его полностью лишена. Продемонстрировано также, что ресурсный потенциал сетей представителей этих слоёв в большинстве случаев ограничен простыми монетарными видами помощи. Структура самих сетей при этом асимметрична — доноров в них меньше, чем реципиентов. Показано, что среди участников социальных сетей существуют «чистые реципиенты», получающие помощь, но не оказывающие её, а доноры неоднородны по своему ресурсному потенциалу и у трёх четвертей из них он очень низкий. Зафиксировано также, что основу ресурсообмена в российских сетях составляют примерно 7% населения, которое можно охарактеризовать как высокоресурсных доноров. Они не только помогают другим, но и получают от сетей помощь, более того — именно они являются основными выгодоприобретателями от членства в сетях. В результате такой структуры и принципов функционирования социальные сети скорее способствуют углублению социальных неравенств, чем их сглаживанию. Механизмы формирования и функционирования социальных сетей связаны с возможностями тесного общения их участников и с их образом жизни в целом. Пандемия оказала положительное влияние на взаимопомощь в российском обществе, выразившееся в увеличении доступа к ресурсообмену в сетях, конвертации его в реальную помощь и расширении распространённости ранее нетипичных для постсоветской России форм развития социальных сетей.

Ключевые слова: социальный капитал; социальные сети; взаимопомощь; пандемия; ресурсы населения; ресурсообмен

Введение

В России традиционно всегда были крепки связи между родственниками, близкими, друзьями, знакомыми, коллегами и т. п. Повседневные межличностные взаимодействия и взаимопомощь способствуют поддержанию членства в неформальных социальных сетях, являющихся мощным ресурсом для их участников. Важность этого ресурса особенно ощущается в сложные периоды

жизни общества. В кризисные 1990-е гг., когда разрушились все привычные социальные и экономические институты, именно у близких друзей и родственников люди занимали деньги, получали помощь в устройстве на работу или поиске подработки, обменивались вещами, оказывали различные услуги — большинство населения выживало тогда как могло, но вместе сделать это было легче (см. например: [4; 1] и др.).

Череда кризисов второй половины 2010-х гг. и начала 2020-х гг., вызвавшая длительное падение реальных доходов населения (остановившееся, по оценкам Росстата¹, только во втором квартале 2021 г.), вновь актуализировала значимость ресурса социальных сетей. Ограничение социальной активности и контактов, связанное с пандемией COVID-19, когда люди оказались фактически заперты в своих домах, пытаясь найти баланс между удалённой работой, бытовыми делами, общением с домочадцами и личным временем в условиях стандартных российских квартир, протестировало на прочность не только российские семьи, но и их положение в социальных сетях. Уникальность ситуации 2020–2021 гг. в сравнении с другими кризисными периодами заключается, однако, в том, что впервые ухудшение уровня жизни сопровождалось необходимостью ограничивать социальные контакты.

Как же функционировали социальные сети в таких сложных условиях? И какие последствия повлекла за собой массовая социальная изоляция для социального капитала россиян? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Теоретическая и эмпирическая основа исследования

Несмотря на то, что влияние межличностных и межгрупповых взаимоотношений на успешность, в первую очередь экономическую, давно привлекало внимание учёных, единое определение этого феномена до сих пор отсутствует. В 2012 г. в работе Э. Лолло [11] приводилось почти 50 определений социального капитала, которые автор нашла в исследованиях 1916–2011 гг. В настоящий момент, спустя 10 лет, этих определений стало ещё больше. Добавим к этому, что социальный капитал анализируют и в качестве индивидуального ресурса, и в качестве ресурса общностей, групп, организаций и даже общества в целом [14]. Последний подход обычно связывают с именем Р. Патнэма, утверждавшего, что групповая сплочённость и высокий уровень доверия в обществе способствуют достижению общих целей и являются факторами экономического роста, поскольку в таких условиях снижается уровень трансакционных издержек между экономическими агентами ([12; 8] и др.). В рамках этого подхода выделяют две

¹ *Думанская Е.* Росстат: Реальные доходы россиян выросли впервые с начала пандемии // Российская газета. 28.07.2021. URL: <https://rg.ru/2021/07/28/rosstat-realnye-dohody-rossiian-vpervye-s-nachala-pandemii-vyrosli.html> (дата обращения: 29.07.2021).

формы социального капитала: объединяющую (bridging, inclusive) и разделяющую (bonding, exclusive). Первая форма отвечает за межгрупповое взаимодействие в обществе, вторая усиливает внутригрупповые взаимосвязи в противовес взаимодействию в обществе в целом. Считается, что слабые межгрупповые связи при сильных внутригрупповых приводят к дефрагментации сообщества и негативно сказываются на его жизнедеятельности.

Другой подход к анализу социального капитала рассматривает его как совокупность ресурсов, доступных индивиду через его социальные связи ([2; 5; 3] и др.). В рамках этого подхода выделяют формальный и неформальный виды социального капитала, в зависимости от степени формализованности межличностных взаимоотношений акторов. В нём также различают сильные и слабые связи внутри сетей [3]: к сильным связям относят родственные и дружеские, а к слабым – все остальные. Механизмы функционирования социальных сетей, по версии Дж. Коулмана, предполагают, что люди, оказывая друг другу помощь (не всегда равноценную, если оценивать её в деньгах), создают «доверительные расписки», т. е. непогашенные обязательства, которые со временем погашают [5]. Такой подход предполагает наличие определённого уровня доверия между участниками сетей. Из-за неравномерного распределения монетарных и немонетарных ресурсов в различных социальных группах и склонности индивидов к общению с похожими на них людьми ресурсы в социальных сетях распределены также неравномерно [10].

Операционализация социального капитала – ещё одна проблема, с которой сталкиваются его исследователи. Из-за разнообразия трактовок сущности и форм социального капитала существует ряд способов его оценки. Так, исследователи, анализирующие его в рамках первого из описанных выше подходов, рассматривают обычно уровень доверия в обществе как фактор экономического развития [9]. Другие изучают степень участия населения во всякого рода общественных организациях, в том числе политических, также влияющих на общую ситуацию в социуме. Те же, кто рассматривают социальный капитал как ресурс различных видов социальных сетей, в которые включён индивид, анализируют прежде всего аспекты ресурсного потенциала окружения индивида: количество контактов, социально-экономическое положение лиц, входящих в ближайший круг ([13] и др.), а также конкретные виды помощи, которую индивиды могут получить от своего окружения [1; 7].

При этом, с точки зрения теории, не всякий ресурс является капиталом [6]. В российских условиях очень немногие (в основном это представители элитных и субэлитных групп) могут похвастаться наличием социальных сетей, потенциал помощи которых соответствовал бы понятию «капитал». В общем же случае, когда речь идёт о потенциальной помощи, которую рядовой представитель массовых слоёв населения может получить от своего окружения, существует более корректное определение – ресурс социальных сетей. Его мы и будем использовать в данной статье.

Итак, в своей работе мы рассматриваем включённость индивидов в сети, имеющие значимые для представителей массовых слоёв ресурсы. Потенциал социальных сетей конкретного индивида мы оцениваем с учётом количества и качества доступных для него от других участников сетей видов помощи. Эмпирической основой нашего исследования стали данные опроса, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН весной 2021 г. (N = 2000), т. е. уже в условиях «новой нормальности», связанной с последствиями пандемии COVID-19.

Масштабы и структура социальных сетей представителей массовых слоёв российского общества

В исследовании 2021 г. задавалось два вопроса относительно видов помощи, которую индивид может получить от ближайшего окружения или, наоборот, предоставить, если к нему обратятся. Каждый из этих вопросов содержал 10 закрытий, представленных в таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Могли бы Вы в случае необходимости получить от своего ближайшего окружения или оказать его членам такие виды помощи как..?», 2021 г.*

Виды помощи	Могли бы получить помощь	Готовы оказать такую помощь
Возможность взять в долг / одолжить до 100 тыс. руб.	53	33
Поиск приработков	25	14
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	23	9
Возможность взять в долг / одолжить свыше 100 тыс. руб.	13	5
Устройство детей в хорошую школу	13**	4
Устройство на хорошую работу	11	4
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении личных проблем	10	8
Продвижение по карьерной лестнице	7	2
Поступление в хороший вуз	6	3
Решение жилищной проблемы	6	4
Не имеют таких знакомых / не могут оказать никакой помощи	17	41

*Допускалось несколько вариантов ответа.

** Доля от тех, у кого в семье есть несовершеннолетние дети.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что **масштабы** охвата социальными сетями в России по-прежнему велики, даже когда речь идёт о массовых слоях населения, и подавляющее большинство россиян имеют доступ к ресурсообме-

ну в этих сетях. В то же время ресурсный потенциал сетей представителей массовых слоёв населения сравнительно невысокий. Как показано в таблице 1, самыми распространёнными видами помощи являются те, которые позволяют решить текущие, сравнительно небольшие финансовые проблемы. Те виды помощи, которые открывают новые жизненные возможности, позволяя индивиду повысить собственную (или своих детей) ресурсообеспеченность (устройство на хорошую работу, продвижение по карьерной лестнице, поступление ребёнка в хорошую школу или вуз, доступ к должностным лицам), отмечаются гораздо реже и в случае получаемой, и особенно в случае предоставляемой помощи.

Данные также свидетельствуют, что **структура** российских социальных сетей характеризуется асимметричностью: тех, кто готов оказать какую-либо помощь (доноры), в них в 1,4 раза меньше, чем тех, кто ожидает, что при необходимости сможет её получить (реципиенты) (59% против 83%).

Кроме того, перед нами стояла задача проанализировать структуру сетей с точки зрения баланса между «спросом и предложением» помощи её участников. Для её решения мы построили две шкалы: «Донорство» и «Реципиентство» — путём присваивания по одному баллу соответственно за каждый предоставляемый или получаемый вид помощи¹, а затем суммировали баллы отдельно для каждой шкалы. Теоретически диапазон значений по обеим шкалам мог составлять от 0 до 10 баллов, в реальности же он составил от 0 до 5 баллов, то есть вошедшие в нашу выборку представители массовых слоёв населения могли предоставить или получить максимум половину из рассматриваемых видов помощи. Среднее значение по шкале «Донорство» было 0,86 баллов, по шкале «Реципиентство» — 1,6 баллов, медианные и модальные значения по обеим шкалам составляли 1 балл. Таким образом, вновь подтвердился уже упоминавшийся выше вывод об очень низком ресурсном потенциале тех социальных сетей, в которые включено большинство населения страны.

Полученные две шкалы потенциала получаемой и предоставляемой помощи образуют пару координатных осей пространства «донорство-реципиентство». Стандартная для пакета IBM SPSS процедура двухэтапного кластерного анализа позволила нам выделить в этом пространстве 6 кластеров². Первый из них объединяет индивидов с нулевыми значениями по обеим шкалам (16% населения), то есть они исключены из ресурсообмена в социальных сетях. Вторая группа — «чистые реципиенты» (25% россиян) — это те, кто, имея 0 баллов по шкале «Донорство», тем не менее рассчитывают получить различные виды помощи от своего окружения. Оставшиеся 4 кластера объединяют доноров с разным потенциалом предоставляемой ими другим членам их сетей помощи. Самый большой кластер — низкоресурсные доноры (43% населения) — его представители могут предоставить только какой-то один вид

¹ Мы сознательно оценивали все виды потенциальной помощи одинаково, без присвоения им весов, поскольку достоверно оценить важность каждого из них для разных респондентов не представлялось возможным.

² В нашем случае качество модели оказалось хорошим, силуэтная мера связности и разделения кластеров превышала 0,8.

помощи, в основном это возможность дать в долг сравнительно небольшую сумму денег. Группа среднересурсных доноров заметно меньше — всего 9% россиян. Её представители могут предоставить сетям два вида помощи. Потенциал получаемой помощи у них выше, чем у низкоресурсных доноров. Последних два кластера мы объединили в группу высокоресурсных доноров, поскольку даже в сумме они составляют лишь 7% массовых слоёв населения. Именно их можно назвать основой социальных сетей, т. к. все они могут предоставить не менее трёх видов помощи, а потенциал получаемой помощи у них самый высокий из всех.

На рисунке 1 показаны размеры полученных кластеров и их место в пространстве, образованном осями «донорство-реципиентство».

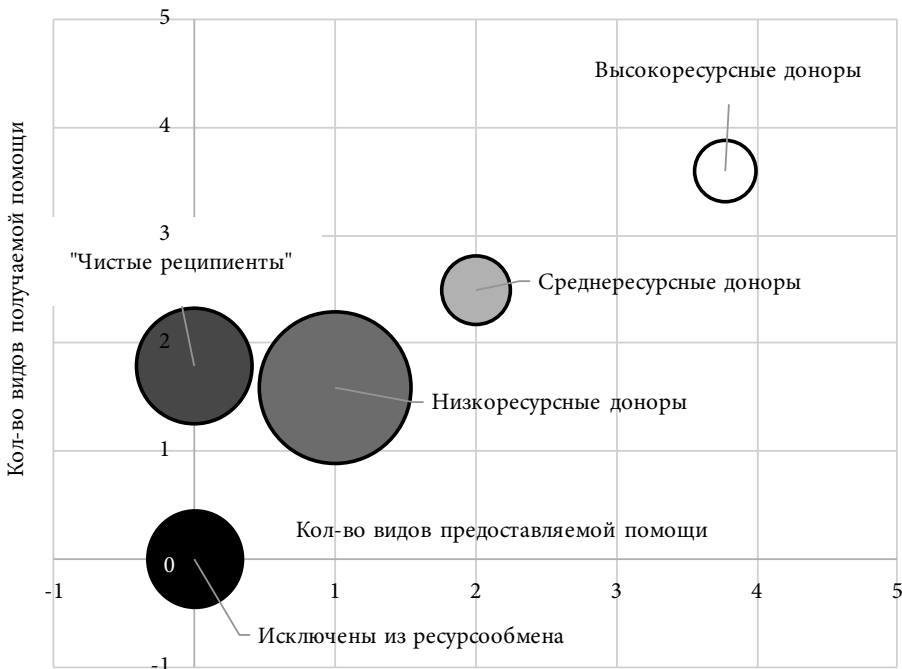

Рис. 1. Группы россиян с точки зрения их места в социальных сетях (структура социальных сетей массовых слоёв населения), 2021 г., %

Чем выше и правее положение группы в этом пространстве, тем выше её включённость в ресурсообмен, тем важнее группа для социальных сетей. Полученная нами структура социальных сетей демонстрирует ещё одно проявление их асимметричности — «чистые реципиенты», а также низко- и среднересурсные доноры потенциально могут получить от сетей больше видов помощи, чем им предложить. Высокоресурсные же доноры, ситуация которых в среднем предполагает равновесие потенциала «спроса и предложения» помощи, повлиять на общую асимметрию не могут ввиду их малочисленности. Кроме того, такая

асимметрия говорит о призрачности части надежд многих представителей массовых слоёв на помощь со стороны своих сетей, поскольку готовых помочь россияне гораздо меньше, чем рассчитывающих на подобную помощь.

Исключение из ресурсообмена не означает полной социальной изоляции. Так, в этой группе в 2021 г. 91% россиян хотя бы иногда, в том числе 47% – часто, чувствовали надёжную поддержку со стороны своего окружения (при 92 и 56% соответственно среди населения в целом). Но, видимо, поддержку больше психологическую, чем выраженную в виде реальной помощи. Не случайно 36% из них испытывали тревожность, 49% часто испытывали беспомощность при попытке повлиять на происходящее, столько же часто чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг и лишь 5% часто были удовлетворены поддержкой со стороны государства¹ (табл. 2).

Таблица 2

Распространённость чувств, переживаемых россиянами в течение предыдущего года, в зависимости от места в структуре социальных сетей, 2021 г., %²

Чувства	Исключённые из ресурсообмена	«Чистые» реципиенты	Доноры			По массиву в целом
			Низко-ресурсные	Средне-ресурсные	Высоко-ресурсные	
Несправедливости всего происходящего вокруг	49	40	33	22	29	36
Собственной беспомощности при попытке повлиять на происходящее	49	40	36	31	24	38
Удовлетворённости поддержкой со стороны близких	47	56	56	65	64	56
Удовлетворённости поддержкой со стороны государства	5	10	12	11	16	10

Описанная выше структура российских социальных сетей не включает представителей наиболее высокоресурсных групп общества, которые обычно не участвуют в массовых опросах. За счёт своего высокого положения они обладают связями, открывающими широкие жизненные возможности и им самим, и их

¹ Среди исключённых из ресурсообмена в сетях россиян трудоспособного возраста доля получающих социальные трансферты от государства не отличается от средних показателей для трудоспособного населения в целом (чуть более 20% в 2021 г.).

² В таблице приведены только варианты ответа «испытывали часто», помимо них были закрытия «иногда» и «редко». Фоном выделены значения, превышающие средние по массиву на 5 п.п. и более.

окружению, т. е. они будут относиться к высокоресурсным донорам. Однако существенно на общую картину структуры социальных сетей в России их учёт не повлияет в силу малочисленности этих групп.

Принципы и механизмы функционирования социальных сетей массовых слоёв населения

Принципы и механизмы функционирования социальных сетей в России можно понять из анализа социально-экономического положения представителей выделенных групп. Данные таблицы 3 показывают, что среди исключённых из ресурсообмена в социальных сетях в среднем чаще встречаются женщины, лица старше 60 лет и жители сельской местности. Среди «чистых реципиентов» чаще представлена молодёжь до 30 лет и те, кто проживает в центрах субъектов РФ.

Таблица 3

Половозрастные и поселенческие характеристики групп с разным местом в структуре социальных сетей, 2021 г., %¹

Показатели	Исключены из ресурсообмена	«Чистые» реципиенты	Доноры			По массиву в целом
			Низко-ресурсные	Средне-ресурсные	Высоко-ресурсные	
Пол						
Мужской	39	46	47	44	48	45
Женский	61	54	53	56	52	55
Возраст, лет						
18–30	14	21	16	16	17	17
31–40	18	20	25	28	21	22
41–50	20	21	25	22	33	23
51–60	17	17	16	16	18	17
Старше 60	31	21	18	18	11	21
Тип поселения						
Москва и Санкт-Петербург	8	8	16	19	8	13
Центры субъектов РФ	24	34	26	24	27	27
Прочие города	28	27	28	34	41	29
Сёла и ПГТ	40	31	30	23	24	31

Дифференциация распространённости донорства в сетях отражает специфику образа жизни россиян из разных типов поселений: в малых городах население в большей степени включено в социальные сети, чем в других типах

¹ Фоном выделены максимальные значения в каждой строке.

населённых пунктов, и здесь доноров можно встретить чаще. В то же время исключение из ресурсообмена в социальных сетях характерно в наибольшей степени для сельской местности, где оно затрагивает до трети жителей, но не всех, а из специфической группы: достигших пенсионного возраста и преимущественно женщин. Таким образом, механизмы формирования и функционирования социальных сетей зависят от образа жизни, который различается в разных типах поселений и на различных этапах жизненного цикла индивида.

Образ жизни — не единственная характеристика, влияющая на место индивида в социальных сетях. Прослеживается практически линейная взаимосвязь между степенью включённости индивидов в социальные сети и уровнем их среднедушевых доходов. Исключение из ресурсообмена в социальных сетях характерно прежде всего для наименее обеспеченных слоёв населения: среднедушевые доходы 57% представителей этого кластера не дотягивали даже до 1 медианы доходного распределения в их типах поселений. Наибольшим материальным благополучием характеризуются высокоресурсные доноры, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых в 58% случаев весной 2021 г. превышали 1,25 медианы в поселениях соответствующих типов (рис. 2).

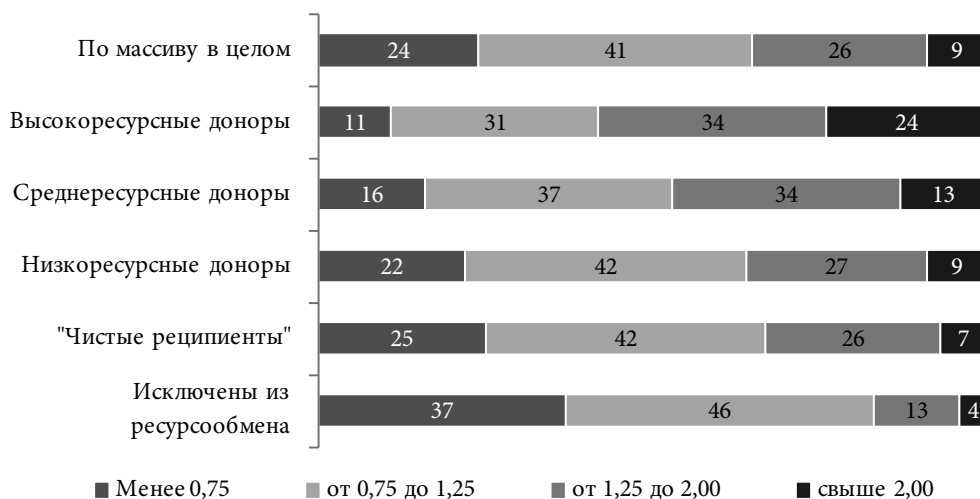

Рис. 2. Уровень среднедушевых доходов в домохозяйствах россиян с разным местом в социальных сетях по сравнению с медианой доходного распределения в их типах поселений, 2021 г., %

Таким образом, интерес для социальных сетей представляют, в первую очередь, средне- и высокодоходные группы населения. Им же членство в социальных сетях, как уже отмечалось выше, способно принести и максимум пользы. Это означает, что принципы и механизмы работы социальных сетей таковы, что этот важнейший социальный институт способствует углублению, а не смягчению неравенства в обществе.

Вполне ожидаемо, что такая значимая разница в экономическом положении индивидов с разной включённостью в ресурсообмен в социальных сетях связана с наличием у них занятости и их профессиональными позициями. Среди исключённых из сетей россиян весной 2021 г. имели работу только 56%¹, и практически две трети (62%) работающих из этой группы занимали позиции рядовых работников торговли и бытового обслуживания, а также рабочих различной квалификации. «Чистые реципиенты» имели работу уже в 65% случаев, и среди работающих здесь чаще были представлены, помимо рабочих, служащие на местах, не предполагающих высшего образования. Среди доноров имели работу не менее 75%, и, как показано на рисунке 3, разные их группы отличались по своей профессиональной структуре: чем выше уровень ресурсности группы — тем выше профессиональный статус типичных её представителей.

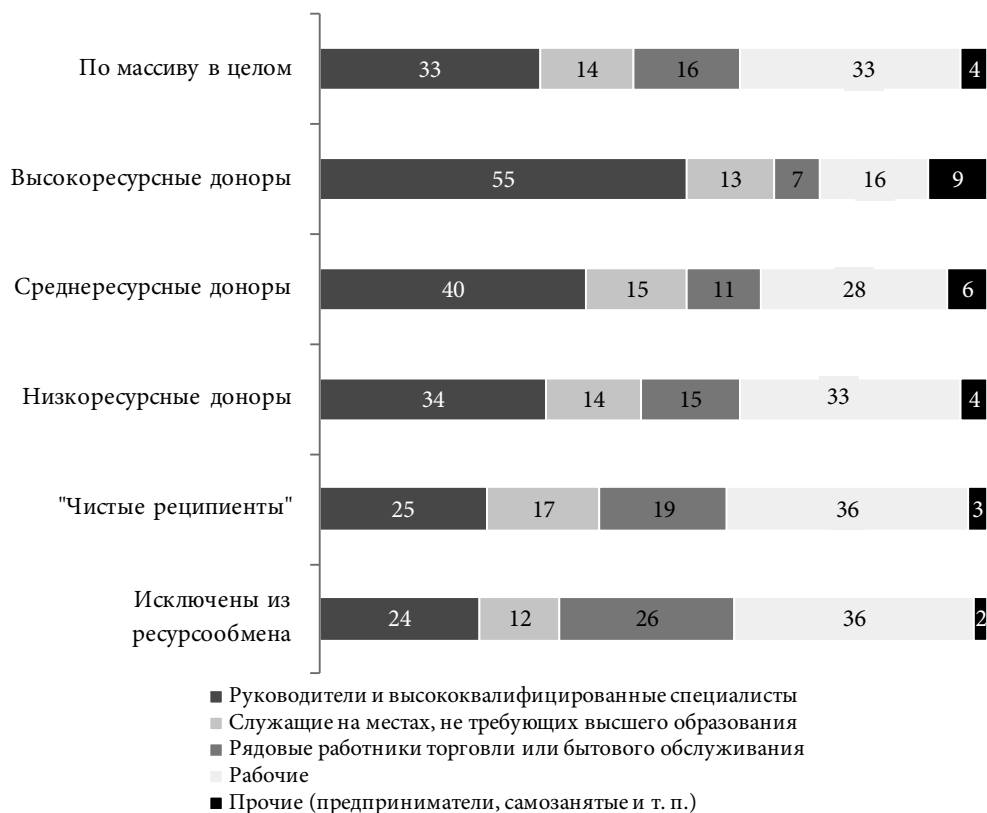

Рис. 3. Профессиональная структура в группах россиян с разным местом в социальных сетях, 2021 г., доля от работающих, %

¹ Это связано не только с высокой долей среди исключённых из ресурсообмена пожилых людей. Если рассматривать население трудоспособного возраста, то в группе исключённых из ресурсообмена в 2021 г. было 18% неработающих против 9% в среднем среди доноров и 12% среди лиц трудоспособного возраста в целом.

Наличие занятости и профессиональный статус являются следствием полученного образования. Большая часть высокоресурсных доноров получили хотя бы одно высшее образование, среди среднересурсных таких 44%, среди низкоресурсных — только 35%. В оставшихся двух группах доля тех, кто получил высшее образование, не превышает четверти их состава. При этом количество видов предлагаемой помощи зависит от наличия высшего образования больше, чем количество видов получаемой помощи. Так, в марте 2021 г. менее половины (47%) лиц без профессионального образования могли предложить своим контрагентам по социальным сетям хотя бы один вид помощи, и только 7% — более одного; среди лиц с высшим образованием соответствующие показатели составляли 70 и 24%. В то же время три четверти лиц без профессионального образования надеялись на получение хотя бы одного вида помощи от своих социальных сетей, в том числе 29% — двух и более её видов. В случае же владельцев дипломов вузов соответствующие показатели составляли 85 и 45%. Таким образом, степень включённости в высокоресурсные социальные сети связана с уровнем образования, причём в большей степени с ним связано донорство, чем реципиентство.

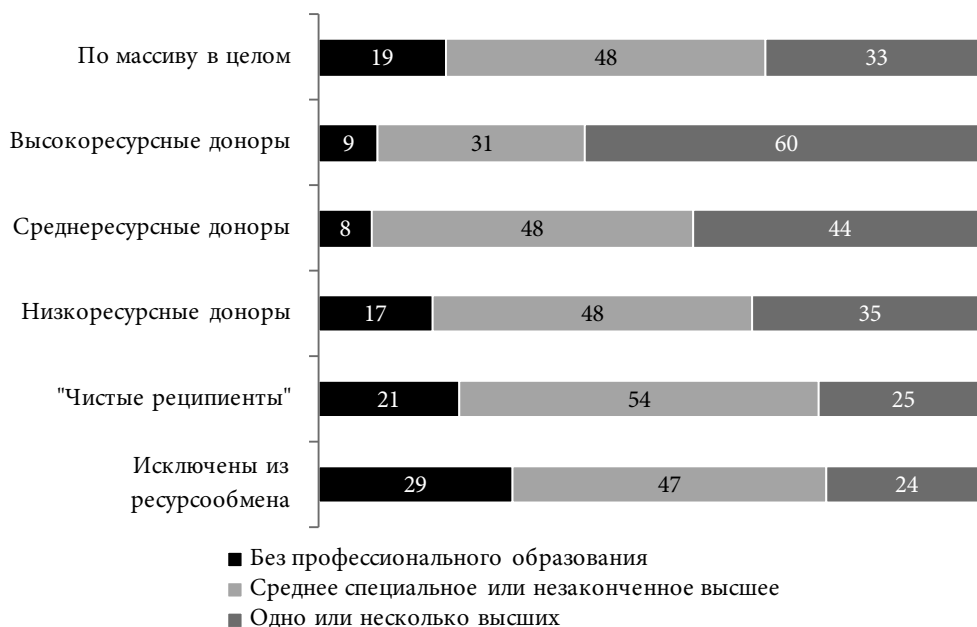

Рис. 4. Уровень образования россиян с разным местом в социальных сетях, 2021 г., %

Другими словами, в социальных сетях лица с высшим образованием образуют точки концентрации ресурсов. Это тем более важно, что собственный уровень образования в значительной степени определяет и уровень образования ближайшего окружения, прямо влияющий на ресурсообеспеченность сетей индивида. Значимую роль для включённости в такого рода сети играет и образование родителей, поскольку

ку 55% россиян с высшим образованием происходят из семей, где хотя бы один из родителей его имел, в то время как у 67% населения без профессионального образования оба родителя его также не имели. Таким образом, социальный капитал передаётся между поколениями, по крайней мере – на первоначальных этапах взрослой жизни, что является важным аспектом социального воспроизводства в целом. Не случайно высоко- и среднересурсные доноры чаще остальных являются выходцами из семей, где хотя бы у одного из родителей было высшее образование (рис. 5).

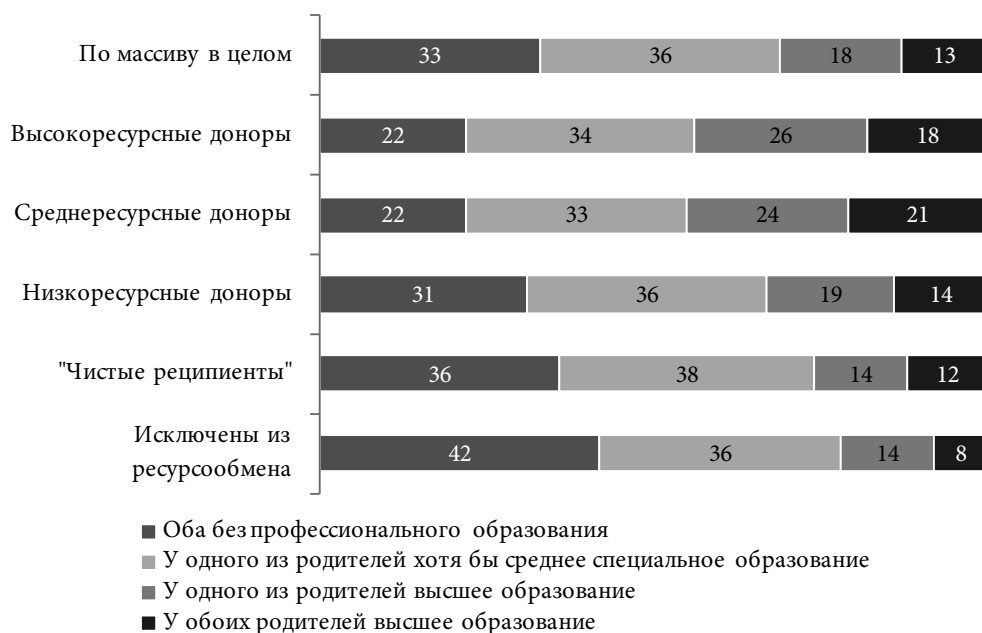

Рис. 5. Образование родителей россиян с разным местом в социальных сетях, 2021 г., %

Помимо того, что высокоресурсные доноры чаще остальных имеют доступ к ресурсу сетей своих родителей, благодаря полученному образованию они в течение жизни формируют мощные собственные сети. Так, согласно данным опроса ИС ФНИСЦ РАН 2018 г.,¹ ближайший друг владельца вузовского диплома в 82% случаев также имел высшее образование; среди тех же, кто профессионального образования не имел, соответствующий показатель составлял всего 14%, т. е. был в 6 раз меньше. Это свидетельствует о том, что высшее образование как компонент человеческого капитала является и фактором накопления социального капитала, и важной детерминантой концентрации ресурсов, распространяемых по социальным сетям.

¹ Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (восьмая волна) (май 2018 г., N = 4000 человек).

Несмотря на то, что высоко- и среднересурсных доноров в сетях сравнительно немного и эта группа может пополняться только за счёт представителей относительно благополучных слоёв населения, доля которых в последние годы сокращалась, доступность помощи, получаемой от сетей, в период пандемии возросла. Об этом свидетельствуют субъективные оценки самих россиян. В сравнительно благополучном 2013 г. только 38% населения часто чувствовали поддержку со стороны своего окружения и ожидали помощи в трудной ситуации, а 18% такой поддержки практически не ощущали¹. В разгар пандемии в 2021 г. соответствующие показатели составляли 56 и 8%. То есть в настоящее время большинство россиян надеются, что найдут помощь, если она понадобится, и доля рассчитывающих на это выросла в 1,5 раза. К сожалению, у нас нет длинных непрерывных рядов данных для оценки динамики ситуации с распределением ресурсов в социальных сетях россиян, однако сравнение ситуаций 2015 г.² (разгар кризиса 2014–2016 гг.) и 2021 г. свидетельствует о том, что именно события, связанные с пандемией COVID-19, положительно повлияли на рост доли россиян, рассчитывающих на получение различных видов помощи (табл. 4), особенно связанных с возможностью взять в долг небольшую сумму денег.

Таблица 4

Динамика потенциальной доступности получения различных видов помощи, 2015 г. и 2021 г., %

Виды получаемой помощи	2015	2021	Разница, п.п.
Возможность взять в долг до 100 тыс. рублей	32	65	33
Поиск приработков	27	30	3
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	22	28	6
Возможность взять в долг более 100 тыс. рублей	5	16	11
Устройство на хорошую работу	12	13	1
Устройство детей в хорошую школу*	12	13	1
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении личных проблем	5	12	7
Продвижение по карьерной лестнице	4	8	4
Решение жилищной проблемы	5	8	3
Поступление в хороший вуз	5	7	2
Не могут получить никакой помощи	24	18	-6
<i>Справочно:</i> Среднее количество видов получаемой помощи	1,2	1,6	-

*Доля от имеющих несовершеннолетних детей.

¹ Исследование ИС РАН «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» (апрель 2013 г., N = 1600 человек).

² Мониторинг ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (третья волна) (октябрь 2015 г., N = 4000 человек).

Надежды россиян на получение помощи со стороны своих социальных сетей в период пандемии оказались не безосновательными. Они действительно достаточно эффективно конвертировали потенциал своих сетей в реальную взаимопомощь – в эти процессы были включены 80% россиян (в том числе 60% сами оказывали помощь, 66% получили её). Даже среди исключённых из ресурсообмена лиц внутри неформальных социальных сетей пятая часть получала или предоставляла помощь хотя бы в виде доставки или получения на дом продуктов, лекарств и пр., а среди «чистых реципиентов» в такой волонтерской взаимопомощи участвовала четверть. Низко- и среднересурсные доноры помимо такой помощи нередко одалживали небольшие суммы денег. Среди высокоресурсных доноров 89% оказывали какую-либо помощь своему окружению – чаще деньгами (53% одалживали небольшие суммы). Чаще остальных они содействовали своим контрагентам по сети также в поиске работы или в обращении к хорошим врачам. При этом в среднем высокоресурсные доноры предоставляли два вида помощи, а получали один. Другими словами, несмотря на то что ресурсы в социальных сетях россиян концентрируются среди небольшого количества их участников, эти ресурсы в реальности расходятся по сетям дальше, чем можно было бы ожидать.

Высокоресурсные доноры чаще остальных россиян включены также в формальные социальные сети. Так, 15% из них участвовали в период пандемии в волонтерских и благотворительных организациях, 11% состояли в профсоюзных организациях, 7% работали в общественных организациях (экологических, культурно-исторических и пр.), в то время как среди россиян в целом соответствующие показатели составляли 4, 4 и 2%. С другой стороны, и основными реципиентами высокопотенциальной помощи были сами высокоресурсные доноры: 26% из них получили доступ к хорошим врачам (при 13% по массиву в целом), 13% из них сети помогли в поиске хорошей работы (4% по массиву в целом), 14% – в решении жилищной проблемы (4% по массиву), 15% – в доступе к должностным лицам для решения личных проблем (4% по массиву).

Таким образом, прослеживается основополагающая роль высокоресурсных доноров не только на микроуровне для их контрагентов по сетям, но и в формировании в российском обществе социального капитала как в разделяющей, так и в объединяющей его формах. При этом сами высокоресурсные доноры не только заинтересованы в участии в социальных сетях, поскольку оно способно расширить их жизненные возможности, но и больше всех выигрывают от такого участия. И в этом заключается парадокс функционирования социальных сетей в России: для большинства массовых слоёв населения они способствуют их выживанию, но при этом не способны расширить их жизненные возможности. В то же время и без того благополучная часть населения получает за счёт социальных сетей мощный ресурс для улучшения своего положения, играющий значимую роль в социальном воспроизводстве.

Заключение

Масштаб охвата населения социальными сетями в современной России довольно велик и большинство представителей массовых слоёв населения имеют доступ к ресурсообмену внутри них. В то же время приблизительно шестая часть массовых слоёв населения (преимущественно женщины старше 60 лет, проживающие в сельской местности) исключена из механизмов обмена ресурсами в неформальных сетях. Это наиболее уязвимая группа населения, поскольку её представители не только имеют сравнительно низкие среднедушевые доходы, но и зачастую не обладают возможностями повлиять на ситуацию вокруг себя и живут без поддержки даже со стороны ближайшего окружения.

Что касается структуры социальных сетей представителей массовых слоёв российского общества, то среди включённых в них россиян число предоставляющих другим свои ресурсы (доноров) в 1,4 раза меньше, чем тех, кто может получить какую-либо помощь от своего окружения (реципиентов). Четвертая часть россиян относится к так называемым «чистым реципиентам», то есть сами они не могут оказывать никакой помощи своему окружению, однако при этом потенциально могут использовать его ресурсы. Им противостоят доноры, составляющие 59% массовых слоёв населения. Внутри себя доноры дифференцированы по объёму и качеству тех ресурсов, которые они могут предоставить своим сетям. Потенциал помощи, которую могут оказать почти три четверти доноров (43% населения), ограничен возможностью дать в долг сравнительно небольшую сумму денег. Оказать помощь, позволяющую решить серьёзные жизненные проблемы (со здоровьем, обучением детей, устройством на хорошую работу и пр.), способны только 7% представителей массовых слоёв населения. Они поэтому являются высокоресурсными донорами и составляют основу ресурсообмена в сетях. В целом же ресурсность социальных сетей большинства россиян сравнительно низкая, как и качество помощи в них, а структура этих сетей асимметрична — реципиентов в них больше, чем доноров, качество помощи в них сравнительно низкое, и на помощь россияне рассчитывают чаще, чем готовы оказать её сами.

Представители групп, отличающихся их местом в социальных сетях, различаются по своему социально-экономическому положению. К наиболее уязвимым слоям населения относятся россияне, исключённые из ресурсообмена в неформальных социальных сетях, для которых их низкие доходы, проживание в сельской местности и пенсионный возраст дополнительно сужают возможности установления высокопотенциальных связей. В отличие от них «чистые реципиенты», хотя и не могут ничего предложить своему окружению, за счёт проживания преимущественно в городской среде и своего относительно более молодого возраста имеют большие шансы на включённость в сети и получение помощи от них. Основное отличие доноров от «чистых реципиентов» и исключённых из ресурсообмена в социальных сетях россиян — наличие высшего образования.

Неравный доступ к ресурсам социальных сетей и неравномерное распределение их потенциала между участниками объясняются не только уровнем социально-экономического неравенства в обществе, но и склонностью индивидов общаться и дружить с похожими на них людьми. Среди высокопотенциальных доноров, являющихся основой обмена ресурсами в социальных сетях, большинство не только сами получили высшее образование, но и около половины из них являются выходцами из семей, где хотя бы один из родителей также его имел. Учитывая, что ближайший круг людей, окончивших вузы, в большинстве случаев также составляют лица с высшим образованием, практически весь потенциал значимой помощи сконцентрирован сейчас в России среди сравнительно небольшой части населения.

Механизмы распространения помощи по социальным сетям предполагают прямую, в основном монетарную поддержку оказавшихся в сложном положении членов сетей. Механизмы включения в сети связаны с образом жизни и ресурсообеспеченностью индивидов, претендующих на вхождение в них, поскольку это включение происходит через личные контакты и плотное общение, которое шире распространено в небольших городах, чем в Москве или Санкт-Петербурге.

Сами социальные сети заинтересованы скорее в высокоресурсных, а не в просто высокодоходных членах, т. к. наиболее дефицитные виды поддержки имеют немонетарный характер. Представители благополучных слоёв также заинтересованы во вхождении в социальные сети, поскольку от участия в них выигрывают в основном именно они — точнее, высокоресурсные доноры, так как они входят в высокоресурсные же сети. Таким образом, функционирование социальных сетей в России базируется в основном не на альтруизме, а на взаимности (но не обязательно симметричности) поддержки. В итоге социальные сети хотя и помогают россиянам выживать в сложных жизненных ситуациях, однако в целом способствуют углублению социальных неравенств, а не их смягчению.

Несмотря на неравномерное распределение доступа к ресурсу социальных сетей в российском обществе в период пандемии COVID-19, в сравнении с кризисом 2015 г., ситуация заметно улучшилась. Социальная изоляция и сокращение физических контактов не оказали негативного воздействия на субъективные ощущения россиян относительно их возможностей получить помощь от своего окружения. Сравнение нынешней ситуации с благополучным 2013 г. также свидетельствует от том, что в критические моменты россияне мобилизуют внутрисетевые ресурсы и приходят друг другу на помощь. В течение пандемии реальную помощь своим контрагентам по сетям оказали 60% россиян, а получили от них — 66%. Наибольший вклад в этот ресурсообмен внесли высокоресурсные доноры, которые в среднем предоставляли помощь чаще, чем получали, хотя с точки зрения потенциала их сетей возможности предоставлять и получать помощь у них примерно одинаковы (у остальных доноров потенциал получения помощи выше, чем потенциал её оказания). Неравенство же в доступе к ресурсам социальных сетей в период пандемии выразилось в том, что основную часть высокопотенциальной помощи (открывающей новые жизненные возможности) получили высокоресурсные доно-

ры, а более трёх четвертей россиян, исключённых из ресурсообмена в неформальных сетях, не получили никакой поддержки, в том числе и в виде организованных её форм, например – в виде доставки продуктов и лекарств волонтерами.

Таким образом, социальные сети россиян даже в сложных условиях социальной изоляции и пандемии функционировали довольно успешно. «Коронакризис» способствовал мобилизации социальных сетей, но при этом актуализировал проблему членства в них для тех, кто исключён из характерного для них ресурсообмена. В то же время в этот период появились новые возможности получения помощи, уже через формализованные виды социального капитала, в частности за счёт широкого распространения волонтерства. С точки зрения двух основных теоретических подходов к изучению социального капитала, такая эволюция функционирования социальных сетей в России, как и описанные выше структура и механизмы этого функционирования, означают, что за время пандемии увеличилось число межгрупповых связей, т. е. в обществе, помимо разделяющего, вырос и объединяющий социальный капитал. Это даёт надежду на то, что в дальнейшем развитие социальных сетей в России может стать более многоаспектным и что они охватят хотя бы часть пока исключённых из них, но нуждающихся в поддержке общества россиян.

Список литературы

1. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 24–34.
2. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. DOI: 10.17323/1726-3247-2002-5-60-74.
3. Грановеттер М. Сила слабых связей / М. Грановеттер ; пер. З. В. Котельниковой // *Экономическая социология*. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
4. Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // *Социологические исследования*. 2009. № 1 (297). С. 43–54.
5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман ; пер. Л. Стрельникова, А. Стасенко // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
6. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32.
7. Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24–35.
8. Fukuyama F. Social capital, civil society and development // *Third world quarterly*. 2001. Vol. 22, № 1. С. 7–20. DOI: 10.1080/713701144.
9. Glaeser E. An economic approach to social capital / E. Glaeser, D. Laibson, B. Sacerdote // *Economic Journal*. 2002. Vol. 112, № 483. P. 437–458. DOI: 10.1111/1468-0297.00078.
10. Lin N. Inequality in social capital // *Contemporary Sociology*. 2000. Vol. 29, № 6. С. 785–795.
11. Lollo E. Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types // docplayer.net : [сайт]. URL: <https://docplayer.net/20995028-Toward-a-theory-of-social-capital-definition-its-dimensions-and-resulting-social-capital-types.html> (дата обращения: 01.08.2021).

12. *Savage M.* et al. A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment // *Sociology*. 2013. Vol. 47, № 2. С. 219–250. DOI: 10.1177/0038038513481128.

13. *Putnam R.* Bowling alone, America's declining of social capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6, № 1. С. 65–78.

14. *Siisainen M.* Two concepts of social capital: Bourdieu vs. Putnam // *International Journal of Contemporary Sociology*. 2003. Vol. 40, № 2. С. 183–204.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Каравай Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: karavayav@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 811153

Дата поступления в редакцию: 22.08.2021. Принята к печати: 30.09.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605

Social Networks in Modern Russia: Scale, Structure and Functioning Mechanisms

Anastasia V. Karavay¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Karavay A. V. (2021). Social networks in modern Russia: scale, structure and functioning mechanisms. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 9, № 4. P. 42–60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605

Abstract. In the article, based on the data of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS in 2021, it is shown that most representatives of mass segments of the population have access to resource exchange in social networks and only 16% of them are completely excluded from it. It is also demonstrated that the resource potential of the networks of representatives of these layers is in most cases limited to simple monetary types of help. At the same time, the structure of the networks is asymmetric – there are fewer donors in them than recipients. It is shown that among the participants of social networks there are “pure recipients” who receive aid, but do not provide it, and donors are heterogeneous in their resource potential, and three quarters of them have it at a very low level. It is also recorded that the basis of resource exchange in Russian networks is approximately 7% of the population, which can be described as high-resource donors. They not only help others, but also receive help from networks, moreover, they are the main beneficiaries of membership in networks. As a result of this structure and principles of functioning, social networks tend to deepen social inequalities rather than smooth them out. The mechanisms of formation and functioning of social networks are related to the opportunities for close communication of their participants and their lifestyle in general. The pandemic had a positive impact on mutual help in Russian society, which was expressed in increasing access to resource exchange in networks, converting it into real help and expanding the prevalence of previously atypical forms of social network development for post-Soviet Russia.

Keywords: social capital; social networks; mutual help; pandemic; population's resources; resource exchange

REFERENCES

1. Avraamova E. M., Loginov D. M. (2002). Sotsialno-ekonomicheskaja adaptatsiia: resursy i vozmozhnosti. [Socio-economic adaptation: resources and opportunities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 5. P. 24–34 (in Russ).
2. Bourdieu P. (2002). Formy kapitala. [The forms of capital]. *Ekonomicheskaja sotsiologija*. Vol. 3, № 5. P. 60–74. (In Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2002-5-60-74.
3. Granovetter M. (2009). Sila slabykh svyazei. [The Strength of Weak Ties]. *Ekonomicheskaja sotsiologija*. Vol. 10, № 4. P. 31–50. (In Russ.).
4. Kozyreva P. M. (2009). Mezhluchnostnoe doverie v kontekste formirovaniia sotsialnogo kapitala. [Interpersonal trust in the context of the formation of social capital]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. № 1. P. 43–54. (In Russ.).
5. Coleman J. (2001). Kapital sotsialnyi i chelovecheskii. [Social Capital in the Creation of Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 3. P. 121–139. (In Russ.).
6. Radaev V. V. (2002). Poniatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiia. [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaja sotsiologija*. Vol. 3, № 4. P. 20–32. (In Russ.).
7. Tikhonova N. E. (2004). Sotsialnyi kapital kak faktor neravenstva. [Social capital as a factor of inequality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 4. P. 24–35. (In Russ.).
8. Fukuyama F. (2001). *Social capital, civil society and development. Third world quarterly*. Vol. 22, No. 1. P. 7–20. DOI: 10.1080/713701144.
9. Glaeser E., Laibson D., Sacerdote B. (2002). An economic approach to social capital. *Economic Journal*. Vol. 112, № 483. P. F437-F458. DOI: 10.1111/1468-0297.00078.
10. Lin N. (2000). Inequality in social capital. *Contemporary Sociology*. Vol. 29, No. 6. P. 785–795.
11. Lollo E. (2012). *Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types*. 14th World Congress of Social Economics. 2012. URL: <https://docplayer.net/20995028-Toward-a-theory-of-social-capital-definition-its-dimensions-and-resulting-social-capital-types.html> (date of access: 01.08.2021).
12. Putnam R. (1995). Bowling alone, America's declining of social capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6, № 1. P. 65–78.
13. Savage M. et al. (2013). A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*. Vol. 47, № 2. P. 219–250.
14. Siisaiainen M. (2003). Two concepts of social capital: Bourdieu vs. Putnam. *International Journal of Contemporary Sociology*. Vol. 40, № 2. P. 183–204.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karavay Anastasia Vadimovna, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: karavayav@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3122-4819

ResearcherID: R-4541-2016

Scopus Author ID: 57191285007

The article was submitted on August 22, 2021. Accepted on September 30, 2021.